

22 февраля 2005 – 22 февраля 2024 г.

Христианство как событие сегодняшнего дня

В девятнадцатую годовщину смерти публикуем полный текст выступления Луиджи Джуссани, организованного Ассоциацией Шарля Пеги и Культурным центром святого Карла (Милан, 28 октября 1992 г.).

Под редакцией **Давиде Проспери**

Модератор. Сегодня вечером отец Джуссани выступит перед нами с темой «Христианство как событие сегодняшнего дня». Именно в этом заключается прозрение, в свете которого опыт, порожденный и прожитый им в Церкви и ради Церкви сегодня, коснулся всех нас. В конце будет время для нескольких вопросов.

Луиджи Джуссани. Мне кажется, значимость темы («Христианство как событие сегодняшнего дня») продиктована тем фактом, что сегодня слово «христианство» все чаще отождествляется с набором нравственных ценностей или с проповедью нравственных ценностей, с обеспеченностью нравственными ценностями. Я не утверждаю, что христианство не волнует нравственные ценности, я только говорю, что христианство отнюдь не совпадает с проповедью нравственных ценностей. Если мы были на мессе в прошлое воскресенье, то вновь удивились прекрасной притче о фарисее и мытаре (см. *Лк.* 18:9–14: нас всегда удивляет ее окончание, где рассказывается, что мытарь ушел из храма прощенным, «оправданным», примиренным, тогда как фарисей, всегда хвалившийся добрыми делами, которые совершил (и он не лгал, Христос не сказал: «Фарисей обманывал», – вовсе нет) ушел осужденным. Необходимо сразу же выяснять причину такого противопоставления: она может проявиться как итог других размышлений. Однако хочу сказать, что для человека, который должен говорить о христианстве, думать о христианстве или жить христианством, важный, главный момент заключается в следующем: нельзя сводить то, что является объектом интереса или содержанием жизни, к нравственным ценностям, которые силой собственной воли получается воплотить в действие. Христианство – факт, событие, объективный факт: будь даже весь мир неверующим, ему не удалось бы его устранить. Ни одно рассуждение не выдерживает: «*Contra factum non valet illatio*», – перед лицом факта рассуждение бессмысленно, факту нельзя противопоставить рассуждение, силу рассуждения.

Христианство – событие, в том смысле, что, прежде всего, оно не является нравоучительной проповедью. Это событие, связанное с Богом, с действием Тайны в человеческой жизни, в человеческой истории, и потому, на мой взгляд, самая важная предпосылка состоит во внимании или в порыве нежности, которую человек испытывает к самому себе. Если человек не внимателен и не нежен к самому себе, как нежна мать к своему ребенку, он неизбежно настроен враждебно по отношению к христианскому событию. У Райнера Марии Рильке есть одна фраза, с которой я часто начинаю размышление о самом себе: «И все сговорились, как будто, замалчивать нас, не то, как позор, не то, как проблеск надежды» (Р. М. Рильке. *Дуинские элегии*. Элегия вторая. Пер. В. Куприянова). Я никогда не встречал такого емкого выражения того, что человек экзистенциально чувствует о самом себе, если задумывается о себе с вниманием, если проявляет к себе чуточку внимания, как эта фраза Рильке. Человек, глядя на себя, испытывает стыд, досаду, стыд вплоть до досады, и все же он не в состоянии отрицать устрем-

ленность, неукротимую устремленность, образующую его сердце, неукротимую устремленность к полноте, скажем так, к совершенству, или удовлетворению, которые по своему этимологическому значению одинаковы: «совершенство» имеет скорее онтологическое значение, а «удовлетворение» – эвдемонологическое, связанное с чувством. Я считаю, Бог действовал, чтобы стать ответом на ощущение, которое, повторю, на мой взгляд, является единственным реалистичным ощущением человека в отношении самого себя, если он думает о себе с вниманием и материнской нежностью. Если Бог действовал, Он действовал, чтобы ответить человеку, человеку, испытывающему стыд, стыд и досаду в отношении самого себя, замечающему в себе ограниченность, с которой он, с одной стороны, мирится, а с другой – он не может, он не в силах заглушить крик, который раздаётся в его сердце, ожидание, которое он носит в душе.

Как бы то ни было, Бог совершил действие в ответ на положение человека. Именно из-за него Он совершил это действие, став Спасителем человека: Он Спаситель человека, Искупитель человека. Однако я не хочу подчеркивать только детали, хотя эта предпосылка – что Бог действовал ради меня – кажется мне необходимой. Апостол Павел говорит дословно: «...возлюбивший меня и предавший Себя за меня» (ср. *Гал. 2:20*). И каждый из нас, собранных здесь (простите, что я так говорю), должен повторять, может повторять и должен повторять эту фразу апостола Павла: «За меня», – то есть чтобы освободить меня. Да, освободить меня, освободить меня от досады на самого себя и от бремени ограниченности, которую я замечаю, замечаю во всем, что делаю. В этом смысле отправная точка христианства по отношению к человеку пессимистична. Неслучайно оно говорит о первородном грехе как о первой тайне, без которой ничего нельзя объяснить: первородный грех – тайна, но без этой тайны никак нельзя объяснить противоречие, в котором неминуемо живет человек. Будучи пессимистичным, изначально пессимистично настроенным к человеку, христианство, однако перерастает в оптимизм, в глубокий оптимизм, глубокий и требовательный. Оптимизм, в силу которого человек может утверждать: «Если Бог за меня, кто против меня?» (ср. *Рим. 8:31*), – как говорит все тот же апостол Павел. Действие Бога состояло в том, что тайна Бога приняла форму реального человека, приняла облик истинного человека, человека, который был зачат во чреве женщины и из этого маленького, почти невидимого комочка развился в младенца, в ребенка, в подростка, в юношу, пока не стал центром притяжения всей общественной жизни израильского народа, пока не увлек за собой толпы, пока из-за позиции власть имущих не настроил толпы против Себя, пока не был распят, убит, пока не воскрес, не воскрес из мертвых. Итак, действие Бога – факт, в полной мере человеческий факт. Объясняя молодым людям, что все это значит, я говорю: «Подумаем о супругах, у которых два года нет детей, представим себе, как протекает их жизнь, как легко ее упорядочить. Через два года рождается ребенок. Ребенок переворачивает всю жизнь, и они уже не могут вести себя, как раньше». Так вот, христианский факт подобен рождению ребенка в семье (действительно, он и начался с рождения ребенка): христианское событие есть Бог, входящий в жизнь человека и в человеческую историю, как входит в историю человека, и в жизнь его семьи, и в историю человечества ребенок, рождающийся от женщины. Апостол Иоанн в своем первом послании говорит первым христианам: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматривали и что осязали руки наши, о Слове жизни... [то есть об истине] возвещаем вам» (*1 Ин. 1:1–3*), – ибо истина сделалась осязаемой, видимой, слышимой, как когда слышишь, как кто-то говорит, как видишь того, кто становится присутствием, как касаешься рук друга.

На этом я мог бы и остановиться, поскольку все, что нужно теперь делать – просто смотреть в лицо этому событию, произошедшему. И ты по-настоящему чувствуешь всю твою ответственность за то, чтобы признавать или не признавать это, потому что можно признать или не признать. Многие из видевших Его, признали Его, а потом не признали и кричали: «Распни Его!» (*Мк. 15:13–14*). И нам это понятно, ведь мы по себе знаем, что такое человек, как он

способен себя вести. Все остальное – личные дополнения, которые в рамках воспитания в вере должны быть донесены до молодых людей и которые каждый может затем прожить самостоятельно. Я говорю, что могу остановиться, поскольку мне хотелось бы знать, что еще можно сказать, кроме этого: Бог стал человеком! И следовательно, христианство значит осознать, видеть, слышать этого Человека, прилепиться к Нему и следовать за Ним. Как делал святой Петр.

Однажды в капернаумской синагоге Иисус долго говорил и растрогался, потому что весь народ, который накануне был с Ним на другой стороне Галилейского моря, обогнул его, чтобы достичь Его. В какой-то момент Он скрылся, ведь они хотели сделать Его царем: Он умножил хлеб! Они вошли в капернаумскую синагогу, и Он растрогался, увидев, с каким рвением люди искали Его, и сказал: «Вы ищете Меня, потому что Я насытил вас хлебом, но Я дам вам в пищу Мою плоть» (см. *Ин.* 6:26–58). Христос был человеком, и именно поэтому Он черпал образы из Своего человеческого опыта, и самый невысказанный образ, пришедший Ему в голову, – остаться с нами под видом хлеба и вина – этот образ, самый невысказанный из всех, что Он мог придумать, пришел Ему в голову благодаря чувствам, которые пробудила в Нем верность (по крайней мере, внешняя) тех людей: они Его искали. Однако Его ответ не совпадал с тем, чего люди ждали от Него. И потому, в том числе и под влиянием интеллектуалов, весь народ постепенно разошелся, пока в тишине вечерних сумерек не остались лишь самые близкие. Иисус первым нарушает молчание: «Не хотите ли и вы отойти?» И Петр со свойственной ему непосредственностью сказал: «Учитель, мы тоже не понимаем, что Ты говоришь, но, если уйдем от Тебя, к кому нам идти? Лишь у Тебя слова, придающие жизни смысл» (ср. *Ин.* 6:59–69).

Я говорю, что эта маленькая группа людей, последовавших за Ним, представляет собой самое начало христианской истории: они последовали за Ним, признали, что в Нем было нечто исключительное и не могли объяснить себе, что и как. Когда Христос в другой раз спросил их: «„За кого люди почитают Меня?“ – „Одни говорят, что Ты сын Вельзевула, другие – что великий пророк“. – „А вы за кого почитаете Меня?“ – „Ты Христос, Сын Бога живого“, – ответил Ему Петр». Христос же сразу сказал ему: «Блажен ты, Петр, и благословен, ибо ты дал Мне ответ, недоступный для твоего понимания, и ты дал его, потому что его подсказал тебе Отец» (ср. *Мф.* 16:13–17). Петр только повторил слова, которые Иисус говорил о Себе в другие разы. Они следовали за Ним, впитывая Его слова, прилепляясь в силу того, что понимали, делая, что Он говорил, насколько им это удавалось. Такие, какими они были, они признавали Его, идя вслед. Они шли за Ним вслед. Христианство – история людей, которые, так или иначе соприкоснувшись с этим событием, с событием Христа, с этим историческим фактом, пошли за ним вслед, каждый как мог, каждый как может.

На самом деле, прежде чем вывести два следствия, которые мне важно подчеркнуть, необходимо добавить еще одну вещь.

Действие Бога состоит в том, что Тайна стала младенцем во чреве женщины, комочком плоти во чреве женщины, частью тела женщины, и родилась, как любой другой младенец. Я всегда вспоминаю и меня всегда глубоко поражает начало Евангелия, благовещение Ангела Марии, где приводится весь диалог, и в конце Мария говорит: «*Fiat*, да будет Мне по слову твоему». А дальше есть такая фраза: «И отошел от Нее Ангел» (*Лк.* 1:38). Меня она по-настоящему поражает, и почти каждый день я думаю о том, в какой ситуации оказалась эта пятнадцатилетняя девушка: в полном одиночестве, нося в себе Тайну, которую она не могла даже ощутить – ведь все только началось, и о ней нужно было рассказать родителям, нужно было рассказать обручнику. «Блаженна Уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа» (*Лк.* 1:45), – скажет ей двоюродная сестра Елисавета, которую Мария пошла проведать, как только узнала от Ангела, что та уже на шестом месяце беременности (см. *Лк.* 1:36–45). Итак, тайна Бога двинулась к человеку, став младенцем. Это факт. Христианство и есть это событие, оно «суть» это событие.

А сейчас? И не только сейчас, а через год после смерти Христа, через десять лет после смерти Христа, через сто лет, через пятьсот лет, тысячу лет, две тысячи лет, сейчас, потому что я задаю себе вопрос: а где оно сейчас? Его задавали себе и первые христиане, жившие еще во времена апостолов, когда Иисус ушел. Человек, затронутый на следующий день после Его вознесения на небеса, задавал себе тот же вопрос, что я задаю себе сейчас. Он же сказал: «Я с вами во все дни до скончания века» (*Мф.* 28:20). И я христианин, потому что Он, Бог, присутствует среди нас и будет присутствовать во все дни до скончания века. Я христианин по этой причине; я мог совершить тысячу ошибок вчера и десять тысяч преступлений, но если я говорю так, я христианин; я больше других буду нуждаться в милосердии Христа, но я христианин, а тот, кто не совершал преступлений, кто платил десятину, кто чтит все еврейские литургические праздники, фарисей – нет!

Христос продолжает присутствовать в мире, в истории и будет присутствовать до скончания века в единстве тех, кого Он достигает и приобщает к Своей личности. Он создал способ, с помощью которого Он берет человека и приобщает его к Своей личности: Крещение, таинство Крещения. Его присутствие видимо, осязаемо, слышимо, как и единство верующих в Него, исторически тоже имеющее имя – «Церковь», означающее не что иное, как собрание. Объективность Его присутствия спасается, обеспечивается именно этим единством, словно оно скиния, как скиния, где пребывала тайна Бога, скиния, воздвигнутая в стане израильтян. Оно подобно скинии, это единство людей, верующих в Него, признающих Его, достигнутых Им и приобщенных к Его личности. Оно подобно скинии, это единство, в котором Он действительно присутствует. И Евхаристия – не что иное, как высшее конкретное выражение Его конкретного присутствия.

Апостол Павел, который более всех остальных подчеркивал, что присутствие Христа, Бога, ставшего человеком, тождественно единству верующих в Него, понял это, когда, упав с лошади, услышал: «Савл, Савл, почему ты гонишь *Меня?*» (см. *Деян.* 9:3–4). Он никогда не видел Иисуса из Назарета, никогда Его не видел и гнал христиан: он гнал христиан. «Савл, Савл, почему ты гонишь *Меня?*» Тут, вероятно, случилось озарение, прояснившее для апостола Павла тождество, о котором мы говорим. Однако тождество это было видимым уже во времена Самого Христа. Будучи не в состоянии ходить повсюду, в селения, куда Его звали, Он посылал учеников по двое. И они возвращались воодушевленными, говоря: «Учитель, мы совершали то же, что совершаешь и Ты; чудеса, которые Ты совершаешь, совершали и мы. Люди слушают и нас» (ср. *Мк.* 6:7–13). Тот же феномен, что происходил в Его присутствии, происходил и в селении, куда отправлялись двое учеников. Как присутствовал Христос в селении, куда отправлялись двое? Через тех двоих, которых Он посылал. Метод, использованный Христом, чтобы продолжалось Его присутствие среди нас, метод, Им использованный, был в силе еще при Его жизни. Он присутствует – в буквальном смысле – через присутствие верующих в Него.

И потому христианство как событие есть Бог, ставший человеком и присутствующий в истории в рамках (выражусь ясно) единства верующих в Него. Содержание этого единства не связано с привязанностью, его нельзя исчерпать термином «компания», оно не ограничивается людьми с одинаковым мнением: «Все вы, во Христа крестившиеся, – говорит апостол Павел, – во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного [великие социальные и культурные разделения тех времен]; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (*Гал.* 3:27–28). Он использует термин *eis*, который в греческом означает «один» в смысле человека, личности в мужском роде: «Вы одно, *eis*». «Вы – Я». Он сказал Павлу: «Почему ты гонишь *Меня?*» Без сомнения, это и для меня самый трудный аспект. Простите, что осмеливаюсь говорить за всех нас, но воспитание, которое мы получили, немного забывает об этом или же несколько обходит это стороной, как я на днях сказал и одному журналисту в Лурде (см. Don Giussani: *il potere egoista odia il popolo*. Intervista a cura di G. da Rold

// *Corriere della Sera*. 18 ottobre 1992. P. 3. Также в книге: Л. Джуссани. *Я, власть, дела. Размышления, почерпнутые из опыта*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 209–220). Я могу познать Христа через что-то в настоящем. В этом состоит гениальность Бога, Который, чтобы позволить человеку познать Его и спасти человека, сделался присутствием в настоящем.

Единство верующих – временное и даже обыденное лицо этого божественного присутствия. И как тогда становились христианами и менялись те, кто следовал за Ним, так и сегодня христианами являются и меняются, меняются по-человечески те, кто следует за этим единством, которому Христос дал непреложный знак объективности – епископа Рима, главу общины Рима, потому что все, все сходится к нему (даже экуменический собор без подписи епископа Рима недействителен, не имеет силы). Это прямо противоположно тому, что мы воображаем или любим воображать: не наше мнение ведет нас к Богу, не наш образ мыслей, не диалектическое соотнесение с другими, не результат богословских изысканий, а следование за присутствием. Первое умозаключение, о котором я хотел сказать, именно такое: следование за присутствием. Но «следование за присутствием» объясняет и нравственный путь: не просто принадлежность в смысле присоединения, но и нравственный путь, который проделывает человек. В природе есть прекрасная параллель. Как ребенок обретает свою индивидуальность? Чем семья по-человечески богаче, насыщенной, внимательней, уважительней – одним словом, чем семья человечнее в отношении к ребенку и чем верней она своей задаче, тем в большей мере ребенок возрастает в своей индивидуальности, становится самим собой, обретает индивидуальность, следуя за родителями, за фактом, за событием семьи. Следуя за событием семьи, впитывая, почти под осмотическим давлением, ее вызовы, в пятнадцать лет он отличается от других, потому что у него была такая семья, и он является самим собой, потому что способен обосновать свой выбор, способен обосновать свои действия. Нравственная проблема для христианина аналогична.

Как быть христианами – значит прилепиться к присутствию, так и в следовании за этим присутствием, принимая вызовы этого присутствия, человек меняется, меняет себя, понимает и преобразуется. И тут есть прекрасный момент, который Господь подчеркнул Своей формулой совершенства, когда сказал: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (*Мф.* 5:48). Но кто может быть совершен, как Бог? Христос, таким образом, возвестил, что истинная нравственность целиком и полностью выражена в живом устремлении, одним словом – в пути: жизнь – путь, *homo viator* [человек – путешественник. – *Примеч. перев.*]. В Средневековье люди хорошо это понимали: жизнь – путь, и потому ценность человека – в том, чтобы быть верным устремлению, стремлению учиться и следовать. И даже падая тысячу раз на дню, он тысячу раз начинает заново. Святой Амвросий в одном из своих писем писал, что свят не тот, кто не ошибается, а кто непрестанно старается не упасть (ср. Sant' Ambrogio. *Explanatio Psalmi 1*, 22; *Explanatio Psalmi 36*, 51). Когда мы с ребятами в школе читали этот отрывок из святого Амвросия, я заметил: «Представьте себе человека, который ошибается каждый день, потому что в нем есть тяжелейший, серьезнейший порок, и каждый день он ошибается, каждый божий день, и каждое утро, просыпаясь, он говорит: „Боже, смиренно молю тебя, помоги мне преодолеть себя, помоги мне исправиться“. И каждый день он ошибается и на протяжении пятидесяти лет каждое утро, просыпаясь, он искренне начинает заново, с этого искреннего вопля, и каждый день ошибается... Он святой, святой! Святой, чей каждый день полон ошибок». Понятие нравственности, которое рождается от христианства как от события, заключается именно в этом: нравственность есть устремление, проявляющееся в следовании, и человек следует как может, как ему удастся, в соответствии с данной ему благодарью.

В таком контексте Тайна обретает очертания, обретает лицо: «Бог... не есть Бог мертвых, но живых» (*Лк.* 20:38), – говорит Христос. Иными словами, Бог не есть Бог наших мыслей, но истинный, реальный Бог, предшествующий всему, несоизмеримый ни с какой нашей мыслью.

«Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути мои» (Ис. 55:8). И Тайна в подобном контексте не остается полной тайной, не остается совершенно неведомой. Тот Младенец, Который взрослеет, умирает и воскресает и, воскресая, нерасторжимо охватывает историю, привлекая к Себе людей, чье единство образует Его Тело, таинственное Тело, или народ Божий, подобный – я уже позволил себе ранее это сравнение – скинии евреев в пустыне, где хранился Ковчег Завета, – реально присутствующая Тайна действительно проясняет Тайну для нас. Объясняет в том смысле, что показывает точное соответствие, совершенное, мощное, вдохновляющее, нежнейшее соответствие Тайны нашей жизни – истощенной, как говорил Рильке, с одной стороны, и полной невыразимой надежды – с другой. Это называется милосердием. Высшее определение Божественного, Сущего, которое Христос принес в мир и которое через единство верующих по-прежнему остается предложением для бедного человека в любые времена и в любых условиях, – это слово «милосердие». Бог есть милосердие, и это слово иначе было бы для нас невыразимым.

Модератор. Спасибо. Сейчас, как я сказал, у нас есть время для вопросов, которые, возможно, позволят нам понять важность того, о чем говорил отец Джуссани.

Джуссани. Важность постоянно подтверждается, по крайней мере для меня, потому что я говорю вот так, и десятки, десятки тысяч людей последовали и следуют. За такими словами! Помню, один выдающийся священник нашей епархии, которого я очень уважаю, отец Барбарески (монс. Джованни Барбарески, 1922–2018, Миланская епархия), посетил одну встречу, которую я вел для студентов в красном зале Риме (Папский институт заграничных миссий). Он вошел и сел в глубине. Я думал: «Что он тут делает?» – казалось, он в некотором смущении. Мы закончили, все вышли, а он остался и спросил: «Слушай, ты всегда так говоришь?» Я ответил: «Ну да!» И он: «И что они в этом находят?» Тут от меня потребовался акт смирения. Не думаю, однако, что это была категоричная критика.

Христианство невозможно помыслить в каких-то других терминах. Я не исчерпал все термины, а только подчеркнул некоторые, те, что мне кажутся основополагающими. Младенец Иисус является основополагающим, как и единство Церкви – единство верующих, однако без признания объективной нормы папского учения единства нет, оно сводится к герменевтике, к человеческим истолкованиям, и каждый может думать, что ему заблагорассудится (кто запретит?). И если Церковь не становится настолько близкой тебе и мне, что воплощается в компании, где мы встречаемся и помогаем друг другу с другими пятьюдесятью, шестьюдесятью, семьюдесятью, восьмьюдесятью людьми, то что она такое? Нечто абстрактное или политическое, любопытный феномен или феномен политический. Поэтому-то Иоанн Павел II какое-то время назад говорил испанским епископам Таррагоны (он повторил это недавно, не помню, в каких обстоятельствах), что Церковь должна совпадать с живой общиной, окружающей человека (*Обращение к испанским епископам Барселоны и церковных провинций Таррагоны и Овьедо во время визита «ad limina apostolorum»*. 11 ноября 1991 г. П. 5: «Пробуждение в христианском народе большей сознательности в отношении Церкви, создание живых общин, где следование за Христом становится конкретным и охватывает все сферы жизни, – вот сообразный ответ секулярной культуре, представляющей серьезную угрозу христианским принципам и нравственным ценностям общества»). Именно об этом методе я говорил журналисту в интервью, упомянутом ранее: поскольку Бог сотворил мужчину и женщину и сотворил человеческую историю как спасение, сделавшись для человека спутником, Бог семьи есть Бог Церкви, то есть народа, воззвавшего к Богу и спасенного, о чем рассказывает Есфирь в Библии (Есф. 10:3). Мы читаем об этом раз в неделю в Литургии часов: «К тебе зывали они

и были спасаемы» (Пс. 21:6). Итак, это один и тот же метод: чтобы позволить человеку родиться, вырасти, стать самим собой, чтобы определить человека, чтобы сделать человека совершенным, Бог использует тот же метод – семью как первую компанию. Но если она не расширяется, то становится тюрьмой или могилой, и человек бежит, бежит.

И поэтому мы рождаемся в «семье» – в единстве верующих, в Церкви, в Церкви – Теле Христовом, мы рождаемся в Теле Христовом и возрастаем, и нет в Церкви никого, подобного тебе, никого, подобного мне, ни один из нас не похож на другого. Такое разнообразие, которое в либеральной и рационалистической культуре считается серьезным возражением для совместной жизни (разнообразие – серьезное возражение для современной культуры: например, для самой жизнеспособности государства), здесь становится богатством идентичности, пребывающей вне этих рамок и порождающей всех. Ибо Христос – вчера, сегодня и вовеки: для того человека, с его характером, какой хотелось бы иметь и мне, и для меня, с моим характером, который хотелось бы иметь тому человеку.

Выступление. Хочу спросить, как в течение дня, часто перегруженного десятками проблем, жить Присутствием, следовать за ним?

Джуссани. «Следование за присутствием» равнозначно другому выражению: «переживать память о Присутствии. Когда я учился в начальной школе (потом я поступил в семинарию) мой папа – особенно мой папа – был для меня постоянным присутствием. Я украл всего однажды в моей жизни. По пути в школу мы проходили мимо лавки зеленщика, где лежали жареные каштаны, и мой товарищ, шедший рядом, сказал: «Возьми их, возьми их!» Я протянул руку и взял, и никто меня не видел. Вечером папа вернулся домой с работы и спросил: «Послушай, что ты делал сегодня утром?» У меня возникло чувство, что мой отец вездесущий – как Бог. И потому следовать за Присутствием – значит помнить о Нем. Вот почему Церковь говорит: если в промежуток времени, который становится для людей мерилom самовыражения, то есть на работе, в течение рабочей недели, если в рамках этого мерилa ты не посвящаешь ни одного мгновения памяти о Христе, если не ходишь на мессу в воскресенье (это самый минимум), то совершаешь смертный грех! Короче говоря, я не буду голословным, если скажу, что, чтобы следовать за Присутствием, о Нем нужно помнить, нужно жить памятью о Нем.

Есть замечательная книга, которую ты, наверное, читал, – «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». В этом русском православном тексте говорится, что необходимо приучить себя взывать к Господу, помнить о Господе один раз, десять раз, сотню раз, десять тысяч раз на дню, пока память не будет совпадать с дыханием. Текст прекрасно говорит об этом. Если я думаю, что Господь более конкретен, чем моя мама, Он в большей степени мой, нежели моя мать или мой отец, если я думаю об этом, тогда желание умножать память не только допустимо, но и неизбежно, и осуществление его не только возможно, но и реально. Человек может сознательно совершить ошибку, а затем тут же вспомнить о Присутствии. Умножение воспоминания все больше сокращает время беспамятства и время предательства. А беспамятство для взрослого человека – забвение Того, от Кого он непрестанно рождается. Потому что в настоящий момент я не сам себя творю. Я всегда говорю ребятам: «Скажите мне, есть ли что-то более очевидное, чем тот факт, что в этот самый миг ты не творишь себя сам, я не творю себя сам?» В этот миг я рождаюсь от чего-то иного, и это иное зовется Богом, Бог же стал человеком, и, значит, я рождаюсь от Христа. Чем больше личность созревает, упражняясь в этом размышлении, тем меньше оно является чем-то избыточным, бегством в абстрактное; чем больше я умножаю память, тем острее чувствую, как содержание моего «я» рождается

там, где рождается. И все же во мне остается та же слабость, и я, думая об этом, могу оступить и упасть.

Я настаиваю на этом, потому что прекрасно, что христианство есть милосердие, что Сущий есть милосердие. По-человечески немислимо думать о собственной судьбе, если не как о милосердии. Действительно, те, для кого судьба не есть милосердие, о ней не думают, не в состоянии о ней думать. И поскольку судьба становится все ближе и наступает, первые разумнее вторых, разумнее первая позиция, чем вторая. К тому же, простите, настоящий ответ на вопрос о том, что следование требует памяти, освобождает от любого морализма. Речь не о законах, которые нужно осуществлять, а о памяти, которая должна быть в нас. Когда я учился в школе и в пятом классе у меня был учитель Фоссатаро – центурион чернорубашечников, я всегда держал в голове моего отца: не законы, которые мой отец мне объяснял, а его самого! И применял законы, помня о нем. В этом больше лаконичности, привязанности, человечности, простоты.

Выступление. Если благодаря памяти остается живым христианский факт, событие, почему тогда, например, между нами, христианами, даже живущими памятью, событие часто сводится к человеческим правилам? Я спрашиваю, потому что вижу такую тенденцию в себе, и часто случается и на мессе слышать то же самое в проповедях, комментирующих литургию.

Джуссани. Я с вами согласен и не знаю, что сказать. Ошибочен метод, метод передачи. Родители – говорил я журналисту в Лурде – желают счастья своим детям, но словно забывают научить их методу, позволяющему его достичь. Словно они не знают, какому пути к нему их научить. Так же мы можем передавать и нашу веру, передавать очевидный для нас христианский факт, передавать нашу весть: «Тайна Бога пребывает среди нас», – не соблюдая метод, который эта истина подразумевает. А метод создал Сам Христос, метод – присутствие, как Он его определил, присутствие единства верующих, присутствие компании. Компания означает людей, которые вместе, потому что есть Он, потому что они признают Его. Совсем необязательно обладать таким же пылом, какой порой проявляю я, – у всех свой характер. Но ответ именно в этом. Методу нас научил Он: «Будьте едины, следуйте; чтобы следовать за Мной, вы должны следовать за вашей компанией, за компанией, за единством людей, которые собираются вместе, потому что есть Я, потому что они признают Меня. Так они учат друг друга, прощают друг друга». В нашем методе передачи существует изъян.

На мой взгляд вот уже сто лет мы, христиане, христианский народ, ошибаемся именно в этом, в методе, в методе передачи. «Основополагающие факторы Церкви суть безошибочное учение...» Учение – объективная, безошибочная реальность, поскольку последнее слово – не за моими истолкованиями, последнее слово – вне меня, и в этом неотъемлемая ценность христианства. Высшая ценность, истина – реальность, лежащая вне меня. Люди выходили из дома и встречали Истину, которая говорила на улицах: Бог – спутник человека. «Учение Церкви и Таинства». А что такое Таинство? Присутствие. Таинство – простейшая форма памяти. Так вот, сначала мы говорим эти две вещи, а потом, с точки зрения метода, придерживаемся наших представлений о передаче или об оценке, о суждении; нашего итогового представления, плода наших дискуссий, богословского мнения – результата богословских споров; того, что пишут в газетах, того, что мы слышим по телевизору, того, что слышим от священников.

Поразительно (я всегда твержу это ребятам), что Христос обязал лишь к одному, к совершенному лишь одного, Он обязал нас лишь к одному как к методу общения с Ним: к Таинствам, в которых человеку не нужно делать ничего – только держать глаза открытыми и быть созна-

тельным. Как люди, приходившие исповедаться на Пасху, *illis temporibus* (во время оно – *Примеч. перев.*), приходившие и стоявшие недвижно. Тогда я задавал вопросы, и они отвечали да, а иногда ни да и ни нет, а просто двигали головой, и я давал отпущение. Меньше уже нельзя. Не нужно думать бог знает что, как-то особенно чувствовать, испытывать определенные эмоции. Это все равно что сказать: «Это книга!» Христианство – факт! И метод, чтобы ему научиться, – пребывать внутри, что значит внутри компании людей, которые собираются вместе или признают себя едиными, потому что есть Христос. Это называется общением, как и таинство [Евхаристии] (в итальянском языке общение верных и причастие обозначаются словом *comunione*. – *Примеч. перев.*). Но есть разрыв между этим и тем, как обычно мы движемся, поскольку, уж простите, именно этому нас не научили. Как сейчас утрачивается смысл семьи – той сплоченности, которая под осмотическим давлением растит ребенка и позволяет ему стать самим собой, личностью, утверждает его индивидуальность, так уже очень давно мы утратили смысл и этой «семьи», этой близости со Христом, которая есть единство между нами во имя Его (по этой причине в лоно Церкви могут войти преступник и святой, и свят тот, кто меньше всего возражает, чтобы там был преступник).

Выступление. Вы говорили о нежности, нежности человека к самому себе и о нежности Бога к человеку. Мне хотелось бы узнать об этом больше, потому что нежность относится к очень интимной сфере, и я не понимаю эту связь.

Джуссани. Ответ содержится в вопросе. Вы говорите, что слово «нежность» относится к очень интимной сфере, указывает на сферу, более интимную для меня, чем я сам. И если я рассматриваю себя, воспринимаю себя, как – я уже говорил об этом ранее – реальность, которую в настоящий момент творит Другой, если я сознаю, что сейчас возникаю из Тайны, то я смотрю на себя в изумлении. Я изумляюсь самому себе, если смотрю на себя как на данность или на дар, и вижу себя, как мать видит младенца, которого она только что родила. Напротив, наша гордыня, наше стремление самоутвердиться отчуждают нас от самих себя, делают нас жесткими по отношению к самим себе. Вот почему мне всегда вспоминается фраза Рильке: «И все сговорились, как будто, замалчивать нас, не то, как позор, не то, как проблеск надежды». Есть и то, и другое. И Церковь – единственное место, где утверждается и то, и другое в человеке, единственное место, где понят этот парадокс, или это противоречие, где это противоречие жалеют и любят (любят не противоречие, а единство, заключенное в противоречии). Но самое прекрасное, чему меня научили, – слово «милосердие». Его нет в словарях. Точнее, оно существует в словаре, но это единственное слово, насущно необходимое, ежедневно необходимое, которое не может возникнуть из нашего опыта. Я всегда вспоминаю (простите, клянусь, что после этого больше не буду говорить), как в три года всегда ходил с мамой к вечерне. В церкви был массивный амвон с витой золотой лестницей. Однажды я сидел рядом с моей матерью, а священник размахивал руками и кричал, и я слушал очень внимательно. Вдруг он процитировал фразу: «Даже если твоя мать оставит тебя, Я не оставлю тебя» (ср. *Ис.* 49:15). Я так испугался, что уставился на мою мать, сидевшую рядом, и смотрел на нее в ужасе, с мыслью, что она может меня бросить. Мать повернулась ко мне, улыбнулась, и я успокоился. Однако в совершенно ином смысле этот момент – один из важнейших в моей жизни. Именно в тот момент, с того момента зародились корни того, что я потом понял. Иметь мать – это событие, а не просто приложение нравственных законов. Но иметь мать означает изнутри побуждать себя к определенному поведению: целовать ее, или отвечать да, или плакать, когда поступил неправильно, когда ослушался. Все это идет изнутри, тогда как во всем мире мораль приходит извне и обычно становится моралью государства, подчеркивается на

государственном уровне, поскольку моральные ценности, которые человеку внушают, так сказать, полезны государству в текущий исторический период.

Модератор. Огромное спасибо! Мы поражены и растроганы. Сердечно благодарим, в том числе и за труд, которого вам стоило приехать сегодня к нам.

© Братство «Общениа и освобождения», тексты Л. Джуссани, 2024